

<Из дневников 1918 г.>

2 июля

От анархизма к большевизму

Снова и снова эти мучения неопределенности. Снова распутье. Снова поиски. Знакомое, тревожное, мучительное состояние. Оно было первый раз тогда, когда стоял я на распутье и не знал, кому отдать свое революционное сердце, кому отдать свои силы, с кем идти. Ничего не понимая, не зная учения и тактики учений — я ткнулся к эсерам, ткнулся сам не знаю почему, видимо потому, что тогда еще преобладали во мне идиллические, «деревенские» настроения; не выветрилась еще вялость, мещанская дряблость и половинчатость. Знакомые тоже шли к эсерам» Ну, и я за ними. Партия рабочих, социал-демократы, страшила, отгоняла тем, что интересы идиллического порядка оставляла в тени, на первое место выдвигала науку, цифры, достоверные факты. Все это было сухо и скучно. Затем уехал в деревню. Там, случайно, совершился переворот в сторону интернационализма. Я еще колебался. Я только чутьем брал и чувствовал, что в прежнем моем патриотическом демократизме не все благополучно. Наиболее сознательные рабочие были не с нами, это наводило на размышления. Промежутки между поездками по деревням были особенно показательны и убедительны в этом именно отношении. В самом деле, попадаешь в деревню и слышишь там лишь утилитаристские взгляды, видишь единственное стремление во что бы то ни стало и поскорее получить землю — и только. Никаких идеологических надстроек и фундаментов нет, просто нужна земля, и дальше ничего нет. Приезжаешь в город и видишь, чувствуешь, как высоко вздымается здесь волна героизма, как широко идет здесь бескорыстная, высоко идейная работа пролетариев. Это заставляло задумываться и все чаще, все чаще оглядываться назад и посматривать на тех, от которых иду, с которыми связан. Мне стало их жаль, а с теми, кого жаль, невозможно геройствовать, невозможно развертывать силы во всю мочь. Мне стало их жаль, как заблудших и робких, как инвалидов... Не знаю, какие еще были у меня чувства, но однажды почувствовал, что с ними дальше быть невозможно. Надо было торопиться — отходить. Это

было мучительное состояние — один, каждую секунду рискуя ошибиться и впасть в какое-нибудь непоправимое противоречие, малознающий, с трудом разбирающийся в сложной действительности, я решил уйти от правых эсеров. Куда? К кому идти?

Надо было идти тогда же, ни секунды не медля — к большевикам, но еще слаб был, не хватило духу одну идеологию, хотя бы и мелкобуржуазную, сменить на другую, хотя бы и пролетарскую. Доносились сюда глухие вести о каких-то «левых соц[иал]-революционерах», но кто они, о чем говорят, чему учат — этого никто не мог сказать. Больше известно было о максималистах. Несколько товарищей, ушедших вслед и вместе со мною, также называли себя первое время «левыми эсерами». Потом мы окончательно назвались максималистами. Шло время. Пылало сердце революционным огнем. Хотелось что-то сделать все большее и большее, ускорить, мчаться быстрее. А максимализм начал хромать...

Тут снова пришел мучительный момент перелома, переходный, томительный момент. Нас увлекала анархистская линия, там как будто было больше жизни. Анархисты клокотали, рвались вперед, были смелым, воистину революционным авангардом рабочей революции. Мы к ним. Сначала робели, колебались, — читали, беседовали, мечтали... А потом приехал Черняков¹ и ускорил дело — вся группа перешла к анархистам, не определяя себя подробнее — синдикалисты, или коммунисты, или что-нибудь еще. Анархисты — и кончено, хотя большинство и называло себя в частной беседе анархистами-синдикалистами-коммунистами. Перелом был совершен. Стало как будто легче; но это только по видимости. На самом же деле я все чувствовал по-старому свое фальшивое двусмысленное положение — «ни в тех, ни в сех». Борясь все время с рабочими и за рабочих — я был в то же время оторван от них, разгорожен какою-то формальной, фальшивой стеной названий, наименований, принадлежности... От этого все время было тяжело, неясно на душе.

И снова пришла эта ломка, мучительная неопределенность... Снова я на распутье. Не хочу лукавить перед собою, не могу учить тому, чему учил, но принять новое еще не могу. Анархизм питается контрреволюционными чаяниями, с одной стороны, темпераментом, с другой. Погромные статьи, что были за последние недели в «Анархии»² все поведение анархистов после разгрома федерации³ — сплошная ставка на контрреволюционное восстание. Остаться там дальше нет никаких сил. Но куда идти?

Уж такая у меня мятежная душа, что куда-то все рвется, что, прильнув к одному, — живо стремится умчаться от него в поисках за более высоким, за новым. Это похвала себе, это нескромно, но это правдиво. Беспартийный... Правый эсер... Левый эсер... Максималист... Анархист... (То синдикалист, то коммунист.) Коммунист-большевик... Где же правда? В котором же учении спасение революции? Каждый старается тянуть в свою сторону... А мне эта линия — ненавистна.

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь», — скажут коммунисты-большевики.

«Угнетенные всех стран, объединяйтесь», — скажут пананархисты. Ну что это — не желание во что бы то ни стало сказать «свое», не то, что сказал вот он, хотя бы он говорил то же самое, совершенно то же самое, только другими словами?..

Может быть, тут «нюансы», оттенки имеются? Может быть, только ради этих оттенков совсем не следует и неразумно раскалывать рабочих и вести их разными дорогами.

Каждую крошечную группу, каждого отдельного «вождя» обуюла, затуманила мысль создать «свое» учение, «свою» школу, прилепить где-нибудь «свое» имя, самому показаться, самому продефилировать. Мне все это глубоко противно именно потому, что все эти пустые мечтатели, увлекая бреднями голодные массы, совершенно не считаются с тем — помогает это рабочей революции или нет. Им, этим хвастунам от революции, всего важнее оставить на столбцах газеты свое имя, сделаться, быть может, «исторической личностью». Если бы к этому идти, разумеется, на таком безлюдье можно было бы кое в чем и кое-где выдвинуться и прогарцевать по страницам газеты.

Но когда ставишь себе конкретную, осязаемую задачу практической борьбы, тут политическому хвастовству не место, тут надо вести живое дело, а не брехней заниматься. Эти вот кардинальные соображения и вывели теперь меня снова на распутье и раздумье.

Я смотрю на эти переходы от одного учения к другому как на этапы зрелости. Я зрею, крепну, утверждаюсь на революционном посту и иду все дальше, все дальше. Это в конце концов не важно, какое слово приклеишь на лбу. Кем бы я ни назывался, всю революцию я работал в теснейшем контакте с большевиками, вел с ними общую линию и чувствовал тяжесть от того, что, говоря одно, делая одно — числился, жил где-то в другом месте. Я еще не знаю, куда идти: или остаться «независимым

анархистом» и работать, как работаю все время, то есть как большевик, или же без обиняков, без дальних рассуждений — вступить в ряды коммунистов-большевиков и слиться всецело с рабочим движением?

Вас изумляет такая постановка вопроса? Она вам кажется смешной и наивной? Вы скажете, что тут скрещиваются два противоположных, может быть, враждебных учения? Нет. Думаю, что это сплошное недоразумение. В анархизме и большевизме нет элементов, взаимно исключающих эти два учения... Тактика большевизма, а тем более учение его — отнюдь не исключает возможности быстрого продвижения по пути к безвластному коммунизму. Только больше логики, больше твердости и смелости у большевиков. А что у анархистов? Никакой линии поведения, никакого чутья живой действительности — горькое, смешное желание сохранить во что бы то ни стало какую-то «самостоятельность», следуя той логике, что «неправильно все то, что сказано и сделано большевиками». Ни одному жизненному акту не дается жизненного толкования, все вверх тормашками, все «по-своему». И вижу я, что голодная, измученная рабочая масса все-таки чувствует правду, не бросает партию, которая изумительно борется все время революции. Отдельные элементы, правда, откололись, ушли. Но сочувствие, общее доверие рабочих несомненно с ними, как и мое сочувствие неизменно, все время революции было с ними, коммунистами-большевиками. <...>

Порою мне отчетливо ясно, что правда у большевиков и что надо безраздельно уйти к ним. А потом раздумье, потом сомненья, потом снова и снова путаюсь, ничего не знаю и не понимаю. Уйти к большевикам — значит, уйти в другой, совершенно новый мир. Там новая, марксистская идеология, апофеоз государственности, централизации, дисциплины и всяческой власти человека над человеком... Там свои приемы борьбы, против которых борются все анархисты. Я схожусь с большевиками во многом, но, к примеру, как быть с хлебной монополией, в которую не верю, которую не признаю? Защищать, не признавая ее? Но я ведь не могу так слепо повиноваться, я люблю и чту абсолютную свободу, я хочу и буду думать сам, а не по мыслям других.

А ведь уйти к ним — это значит во многом связать себя обетом покорности, подчинения и молчания. Хватит ли меня на это? Едва ли... Ну, а если не хватит, снова уходить, снова мучиться в поисках новой пристани? Но тогда уж и пристаней-то не остается,

кроме буржуазных, даже подумать об этом трудно: очутиться безо всякой надежды на пристань, ни в близком, ни в далеком будущем!

Если что зовет к ним — это неколебимая твердость, непреклонность, настойчивость в проведении намеченных целей.

Они создают пролетарское государство. Мы, анархисты, против государства. Но, может быть, здесь речь только о слове. Конкретно, на работе мы, быть может, будем вынуждены и сами строить лишь то, что строят большевики? Ведь оно часто так получается: говорят как будто и разное, даже противоположное, а на самом деле — одно, единое. Нет ли и в этом споре такого рокового недоразумения? Ведь жизнь не дает идти поперек законов развития и непременно выпрямит свою линию по единственно возможному руслу — созревшей, готовой суммы обстоятельств. «Долой государство!» — заявляем мы. А как будем строить новое общество? Да всего вероятнее так, как позволит жизнь, а не так, как сами захотим. Продвинуть, помочь, облегчить, разумеется, мы можем, но выкинуть какой-то артикул, скакнуть через жизнь — невозможно, запнешься, упадешь.

Вот анархисты борются против марксизма, как будто это сплошная ложь и ошибка. Во имя преклонения перед идеалом анархизма — отбросить, забыть эти законы невысказано. Я не тверд, я многого, может быть, не знаю и не понимаю, но все-таки забыть и глумиться над тем, во что верю, — я не могу со спокойной совестью, хотя бы и ради высокого конечного идеала. Я весь запутался в противоречиях, я не знаю, куда примкнуть. Может быть, никуда не примыкать, остаться «независимым анархистом». Но эта «независимость» не оказалась бы простой растерянностью, сумятицей, сплошным противоречием. О, если бы я мог охватить разом эти учения, разом увидеть pro и contra. Тогда я смело отошел бы, может быть, от обоих разом и создал третье. Но теперь, не зная путем ни того, ни другого, продвигаясь ощупью, — что я создам? Анархо-большевизм? Да, это было бы название, которое наиболее полно отражает в данный момент мое миропонимание и понимание дальнейшей борьбы. Двумя половинами души я в этих двух учениях. Одно исключает другое, — скажете вы. Для меня — нет. Может быть, и по незнанию, по невежеству, но для меня одно другое не исключает. Но если создать новое учение — к нему прежде всего необходим твердый, каменный фундамент, а я — я чувствую себя словно в трясине, твердого дать ничего не могу. Выйдя

из группы, я должен ведь что-то сказать и сказать определенно, твердо, ясно: остаюсь анархистом или нет? А знаю я это сам? Нет, не знаю. У меня две души, а может быть и одна, только поровну рассеченная, поровну отданная тому и другому учению. Будет ли перевес и куда — это для меня такой же вопрос, как и для вас, спрашивающих.

Потом я, видимо, переутомился, страшно устал и не могу активно работать, как работал прежде. Апатия, лень, усталость, неопределенность. Не хочется ни за что браться. На текущей советской работе я еще могу остаться, но на творчество, на дерзание, на широкий размах уже не хватает сил. Это, разумеется, не разочарование, это не недовольство чем-либо и кем-либо — это усталость, плод непрестанной напряженности.

3 июля

Наше первое торжественное заседание было 1-го, в понедельник. 2-е — во вторник. Но на это второе я уже не пошел. Оно мне было чужим, делать там больше мне было нечего. Остался дома и все читал, писал, думал о том, о чем думаю теперь днем и ночью. Хотелось бы прочесть наскоро как можно больше, чтобы лучше уяснить себе дело, но нет возможности. Кинешься к одному, к другому, третьему, но все, что читается наспех, — тут же и забывается, не переварившись как следует. Может быть, начать читать большие труды? Нет, не хватит ни времени, ни терпенья. А ведь прежде, чем сказать окончательное слово, надо и узнать окончательно.

Вот вчера вечером снова стало ясно, что уйти необходимо к коммунистам-большевикам.

...Всею своею работой за полтора года революции я на деле проводил идею коммунизма, называясь то так, то эдак. И теперь вижу, что поистине вредно и опасно судить о революционере по тому флагу и лозунгам, под которыми он идет. Я ходил и под красными, ходил и под черными знаменами и все-таки оставался все тем же коммунистом-большевиком на деле, как от этого ни отмахивался.

...Сам собой встает вопрос: для чего же и как попал я к анархистам? Эта ошибка еще была бы простибельна темному рабочему, но мне, интеллигенту, простить этого легкомыслия нельзя. Каюсь, — легкомыслие было, и легкомыслие это питалось моим безудержно-торопливым характером, подчас губительной решимостью и стремительностью. Не продумал, не узнал, поверил

на слово, настроение принял за убеждение, а мечтания за программу действий. Мы, переходя всею группой в лагерь анархистов, руководствовались, разумеется, святейшими помыслами, мы думали ускорить то дело, что совершенно было в Октябре... Думалось и верилось, что анархизм укажет те пути, которые приведут к желанной цели. Я поддался общему обаянию, свихнулся сам, допустил непростительное легкомыслие и отдался этой работе. А раз отдавшись — стал затягиваться, начал даже и верить кое во что анархическое. Да и как не поверишь в конце концов, если литературу читаешь все анархическую и анархическую: газеты все анархические и анархические. В каком соку варишься, в таком и сварись. Читал бы одну правоэсеровскую литературу — несомненно был бы правым эсером.

Я все время своей кочевки по партиям не чувствовал твердой базы. Теперь же, при приближении к научному коммунизму, я чувствую дыхание этого могучего, мраморного базиса — тут фундамент тверд, не заколеблется. Моя глубочайшая, непосредственная симпатия к коммунизму обнаруживалась за все время революции, и этой симпатии, инстинктивному тяготению следует придать особенное значение именно потому, что мною не было прочитано ни книг, ни брошюр порядочных — я все узнавал лишь по текущей прессе. С другой стороны, постоянно читая книги, брошюры и газеты анархистов, поддаваясь порою их обаянию — в минуты трезвого, спокойного размышления я неизменно расчислял все прочитанное как брехню, как доброе пожелание, как мечту. И никогда не верил всерьез тому, что там говорилось, — не верил, но увлекался, в этом последнем каюсь.

...Эти два учения — анархическое и марксистское — образно отразились в своих славных вождях — Бакуanine и Марксе. Две львиные головы, два огромных ума. Один — бунтарь (и это название особенно характерно), разрушитель, неспособный органически на созидательную работу в ее простом, конкретном смысле. Другой — холодно-умный, осторожный аналитик исторических процессов. Его выводы непреложны и убийственны для каждого противопоставления. Там — бунт, здесь — борьба. И я, по природе своей склонный к бунтарству, поверил, что можно прожить одним этим качеством, одною своею нервозностью, одним устремлением к разрушению. Впрочем, здравый рассудок все время одергивал, а факты, нужды живой действительности — ставили в тупик на каждом шагу и задавали убийственные, сокрушительные

вопросы. Я старался примирить непримиримое: будучи анархистом, признавать на деле и власть, и насилие, и угнетение наших классовых врагов. Это не вязалось с учением, но иначе поступать я не мог. Я еще не созрел до того, чтобы отряхнуть с себя анархические иллюзии, я все еще думал и верил, что их можно каким-либо образом приложить к жизни. Все оказалось плодом доверчивости моей мягкой души. Серьезного тут не было, и вполне понятно, что я сразу впал в сплошное противоречие. Говорил, учил одному, а на деле выходило другое. Этому противоречию, этой невыносимой двойственности рано или поздно надо было положить конец. И этот конец теперь, видимо, положен. И положен невозвратно. <...>

Декларация московского союза идейной пропаганды анархизма

Товарищи рабочие, пролетарии физического и умственного труда, к вам, строителям будущего, обращаем мы наш товарищеский привет и просим нас выслушать.

Во всяком, и самом широком, общественном начинании первоначальная инициатива принадлежит революционно настроенному меньшинству. Инстинктивно чувствуя начинающееся брожение масс, революционное меньшинство формирует первоначальные проблески нового самосознания. Но это лишь первая ступень.

Только тогда новое самосознание становится реальным определяющим фактом общественности, когда из узких кругов зачинателей оно переходит в открытое свободное творчество масс. Только тогда оно перестает быть мнением, принципом, идеей, а становится миропониманием, закрепляется в систему.

Так мы понимаем и нашу инициативную роль. Отдавая ее на широкий суд товарищей, мы зовем сделать наше начинание своим делом и так вдохнуть в него подлинную жизнь.

* * *

Революция и свобода всегда рождаются в крови и страданиях.

На заре их падают многие жертвы — герои, борцы, творящие новое, и наследники старого, с отчаянием его защищающие.

Но никогда еще, нигде — за всю историю человечества восстание народа против всех старых основ общежития не принимало таких великих размеров, как сейчас у нас в России.

Вся страна охвачена разрушительным вихрем.

Поднялась гигантская работа, какой еще не знало человечество.

Но наряду со светлыми освободительными инстинктами проснулись инстинкты предательства, мародерства, человеконенавистничества. К строителям будущего присосались отовсюду паразиты и дело революции и свободы — на краю гибели.

И дело Анархизма, свободолюбивейшего из всех устремлений человека, призвать к планомерной безостановочной борьбе с взрывами невежества и низменных инстинктов. Надо сплотить все подлинно анархические силы, без различия их оттенков, для общей творческой освободительной работы.

Надо переустроить целую страну, расшатанную развратом старого порядка, невежеством, войною и опытами «сверху» заговорщиков и партий. И в переустройство это нести не старую рутину, не затхлое и догматическое профессиональных изобретателей человеческого счастья, но новое, творческое, добытое непосредственно из жизни, полностью отвечающее стремлениям и интересам тех людей, которые могучему перевороту отдали свои упования и самую жизнь.

Должна быть отброшена опека, хотя бы и самая благожелательная! Должно исчезнуть представительство хотя и самое надежное. «Свое» дело каждый должен взять в «свои» руки. И каждый должен нести ответственность перед своей свободной совестью.

К этому зовет нас анархизм.

Анархизм — учение жизни! Анархизм рождается с каждым человеком и живет в каждом из нас, но задавлен нищетою, робостью, лакейством пред людьми и пред теориями, привычками к насилию и развратной жизни. И нужны — смелость, просветление, жажда подвига, чтобы в каждом — и большом и малом — проснулся анархизм.

Анархизм — учение свободы! Не отвлеченной призрачной свободы, но жизненной, реальный... В основе всех построений анархизма — свободный человек, свободный от гнета учреждений, от власти законов, которые для него придумали другие. Но свобода анархиста есть свобода всех. Раз есть рабы, он — не свободен. И анархист должен бороться до тех пор, пока не будут свободны все. Нет идолов для анархизма, ничего абсолютного, кроме самого человека, его свободы, его прав на безграничное развитие. Каков бы не был общественный порядок, анархист всегда будет стремиться дальше, к новому, более совершенному, полнее и чище говорящему его анархической совести.

Анархизм — учение равных! Все — равны в свободе. Каждый — творец своего дела. И сфера личной его свободы — неприкосновенна.

Анархизм — учение культуры! Не той культуры, которая несет на себе печать государственной власти, сословных и классовых привилегий, но тех культурных ценностей, которые равно нужны всем, которые имеют значение общечеловеческое. Анархизм зовет не к разрушению, но преодолению культуры. Не к бессмысленному разгрому и расхищению достояния народного, но защите творческих достижений человека, необходимых как средства к последовательному непрерывному нашему освобождению. Анархизм — наследник всех прошлых освободительных стремлений человека и несет ответственность за их сохранность.

Анархизм — учение любви! Ибо он учит любить не себя только и свою свободу, но каждого и всех. Он зовет к подвигу, зовет к великому делу, чтобы плоды его собрали не только наши современники, но и будущие, далекие от нас братья. Он зовет к борьбе, разрушению насильнической системы, но не к мести и бесстыдным самосудам против отдельных лиц.

Анархизм — учение радости! Ибо он верит в человека, верит в его неограниченные возможности, верит, что своим любовным подвигом для всех, он связует все времена и всех людей. Так родится гордость творца — величайшая из возможных для человека радостей.

* * *

Объединяясь под таким общим исповеданием, мы зовем к организации Союза Анархистов, который возьмет на себя пропаганду подлинного анархизма, свободного от грязной пены, выросшей на нем.

Анархизм требует свободы, подвига, радостного творчества масс. Да здравствует АНАРХИЗМ!

Инициативная группа.

{ *Алексей Боровой*
И. Гроссман-Роцин
Г. Сандомирский
Вл. Забрешнев

Справки можно получать по вторникам и пятницам от 2 до 4 ч. у тов. П. Аршинова по адресу — Москва, Покровка, Введенский пер. д. 6 кв. 9 или в те же часы по телеф. 4-62-40.

Для письменных сношений адрес тот же.

